

Юлия Комольцева

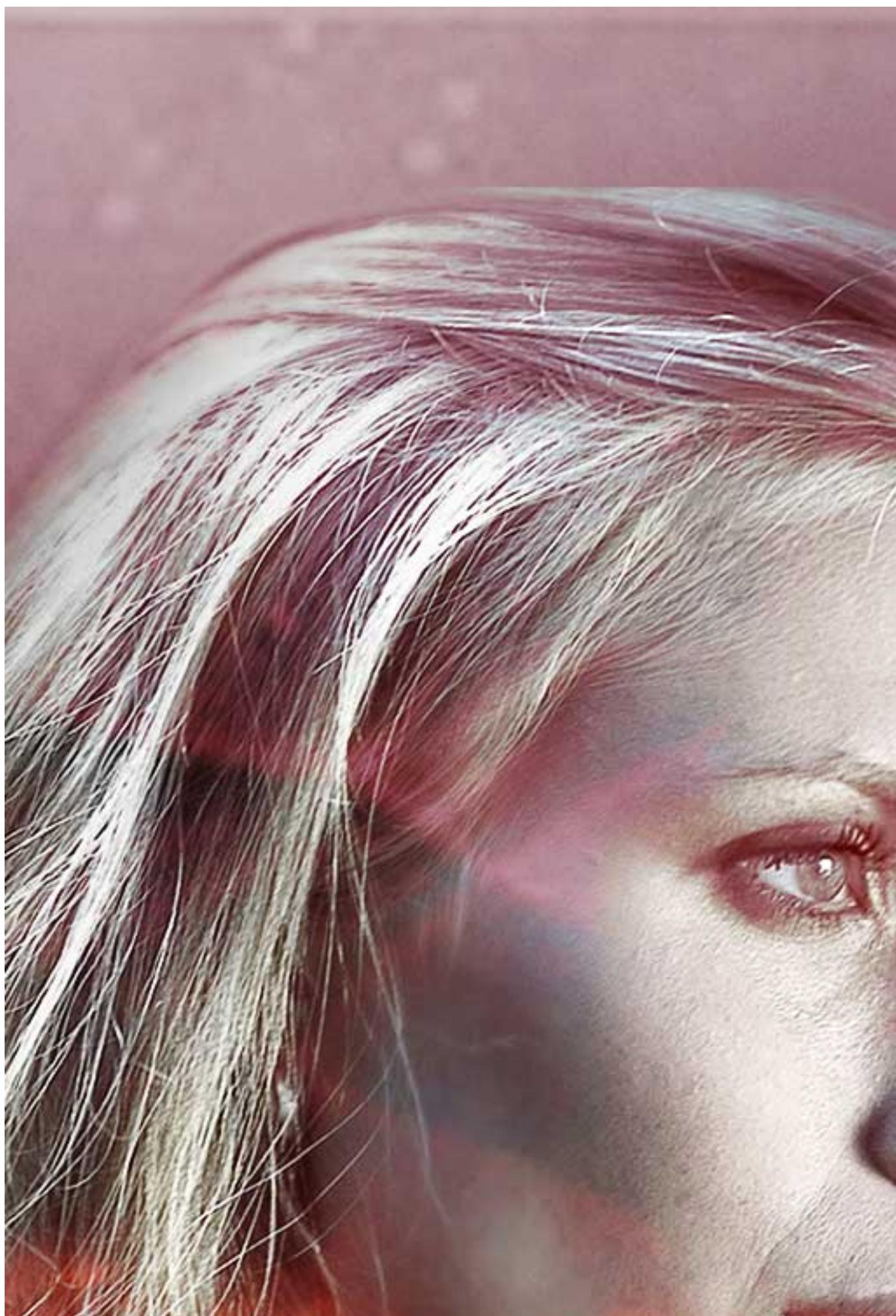
Дежа вю

«ИП Стрельбицкий»

Комольцева Ю.

Ю. Комольцева — «ИП Стрельбицкий»,

Никогда не возвращайтесь в те места, где были счастливы. Тина - мужняя жена, мать близнецов, бизнес-леди, - нарушила это правило. Прошлое перепуталось с настоящим, а будущее грозит катастрофой. И мужчину, которого она никогда не забывала, теперь приходится узнавать заново.

Юлия Комольцева
Дежа вю

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18481297
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Никогда не возвращайтесь в те места, где были счастливы. Тина – мужняя жена, мать близнецов, бизнес-леди, – нарушила это правило. Прошлое перепуталось с настоящим, а будущее грозит катастрофой. И мужчину, которого она никогда не забывала, теперь приходится узнавать заново.

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	18
ГЛАВА 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юлия Комольцева

Дежа вю

ГЛАВА 1

На всякий случай она опустила стекло и, выгнув шею, посмотрела по сторонам. В лицо тут же вонзились когти февральского ветра, и беспокойный, мелкий снег брызнул в глаза. Она осторожно моргнула, приглядываясь. Без вариантов. Пробка безнадежно тянулась до Сокола.

Визитная карточка столицы – куда там Кремлю! – безвыходный лабиринт, забитый до предела рядовыми трудягами с убитой резиной; элегантными холеными красотками, что кокетливо подмигивают узкими фарами мрачным тонированным богатырям; благообразными старичками, хрипло покашливающими отечественными моторами; бездельниками, целыми днями прохлаждающимися на закрытых офисных стоянках, а под вечер, в томной неге еле ворочая колесами, красующимися девственной чистотой, словно дамским макияжем, удачно сохраненным в беготне дня.

И все вместе ждали освобождения. И всем хотелось домой – в хрущевку, в царские палаты на Рублевке, неважно, – забросить ключи от машины подальше, чертыхнуться в последний раз, сбросить ботинки и встать под душ.

...Жаль, что вместе с ботинками и костюмом нельзя избавиться от ответственности, головной боли и тягостной убежденности, что завтра все повторится...

Она подняла стекло и решительно потянула с заднего сиденья чемоданчик с ноутбуком. Гораздо разумней потратить время на работу, чем на философские завихрения.

Ничего в своей жизни она менять не хочет! И очень даже замечательно, что завтра все повторится опять, даже эти пробки – удручающие и как будто бесконечные. Только как будто. Уж она-то хорошо понимает, что все в этом мире рано или поздно заканчивается.

Это ни плохо и ни хорошо, это данность, оценивать которую ужасно глупо.

С усмешкой оборвав себя на этой банальной истине, она включила компьютер и погрузилась в работу, изредка поглядывая, не началось ли движение. Дорога оставалась парализованной, зато в сумочке ожил сотовый.

– Валентина, ты где? – строго осведомился муж.

Она ответила не сразу.

Мужа она любила. А собственное имя – терпеть не могла.

Даже подчиненные называли ее Тиной, и в этом была единственная поблажка субординации.

Геннадий Ефимыч был уверен, что это просто женская, немотивированная блажь – возможно, единственная у его супруги, – но потакать ей не видел необходимости. К тому же любые невинные прозвища, сокращения и ласкательные словечки ему просто претили.

В отместку Тина обращалась к нему по отчеству и на «вы».

Остальное семейство стонало от хохота, когда в пылу редких ссор Тина сердечно заявляла: «Идите в задницу, Геннадий Ефимыч!»

Раздраженная, она проворчала мужу, что торчит в пробке, в ответ он предложил бросить машину и добраться на метро, но вызвал только новый всплеск негодования.

– Куда я еще на метро попрусь?!

– Так ведь просидишь до утра, – жалостливо вздохнул Ефимыч, – и, небось, голодная.

Слышишь, Валентина, ты ела что-нибудь?

– Ела, ела, – быстро соврала она, просматривая документы на мониторе.

В животе возмущенно застонала пустота. Утренний кофе давным-давно канул в небытие, а за обедом вместо корпоративных салатов и бисквитов она проглотила триста три варианта рекламной кампании средства от комаров, среди которых нужно было выискать один достойный.

Поиски результатов не дали, собственных гениальных идей тоже не появлялось, и по всему видать, контракт с истребителями комаров придется продлевать. Она это ненавидела, но уж лучше так, чем предлагать заказчикам откровенно слабые проекты. Да, лучше взять тайм-аут.

Тут она поняла, что отвлеклась.

– ...а Ксюша его раскраску куда-то запрятала, и теперь оба ревут, и я совершенно не знаю, что делать! – между тем докладывал муж.

– А что, Галинвасильна уже ушла? – в легком недоумении поинтересовалась Тина.

Муж на том конце провода изумленно присвистнул и заявил с трагизмом в голосе:

– Валентина, ты даешь! Галина Васильевна ушла еще сто лет назад, в прошлом месяце, она же абсолютно не знает английского, я лучше говорю! А детям, между прочим, в следующем году в школу поступать. Так что у нас теперь Агриппина Григорьевна! Два высших образования, три языка...

– И четыре ноги, – заключила Тина.

Машинально она прикинула, каково Ксюшке с Сашкой выговаривать эту конструкцию. Одни сплошные «ррр». Уж лучше бы осталась Галинвасильна. И пироги она пекла чудные, и шарфы близнецам вязала, и по вечерам, повиснув на матери, они пищали восторженно, что «мы сегодня мороженое сами делали, настоящее, и с горки катались прям на попе, Галинвасильна сказала, что так интересней, только потом надо штаны высушить, и мы уютюгом сушили, а еще, мамочка, муравьи никогда не спят, а один кит весит, как сто слонов, и за что сожгли Галилея, ты, мамочка, никогда не догадаешься!»

Тина не знала, сколько на самом деле весит кит. Но была уверена, что дети в надежных руках.

Еще неизвестно, станут ли они так радостно визжать от дипломированной Агриппины!

– Ладно, – сказала она мужу, все причитавшему на тему ее забывчивости, – дома поговорим.

И некоторое время смотрела мимо монитора с открытыми документами.

Нет, не будут они разговаривать. Сначала Ксюшка с Сашкой не дадут, потом мама оторвется от очередного сериала и с энтузиазмом примется рассказывать, что мерзавец Педро оказался двоюродной бабушкой Марии, или что-то в этом духе. В особо захватывающие моменты мама будет хватать Тину за руку, и той придется принимать активное участие в беседе. Ефимыч, конечно же, разозлится и скажет, что судьба мыльных страдальцев Тину не интересует, а мама не поверит и начнет развивать теорию о том, что чужие несчастья помогают отвлечься от своих собственных проблем. Именно в этот момент, распрощавшись с «зайчиком», – все они у нее зайчики! – явится домой Вероника и с порога завопит, что у Тины-то как раз нет никаких проблем, а вот у ее бедной сестрицы опять засада на личном фронте. Мама всплеснет руками и побежит успокаивать бедняжку, которой для взаимного экстаза с «зайчиком» не хватило такой лишь малости, как бриллиантовое кольцо.

– Не расстраивайся, ягодка моя! Сколько оно стоит, твое кольцо?

Сквозь всхлипывания домочадцы услышат, сколько. И Геннадий Ефимыч, первым обретя дар речи, заголосит:

– Да за такие деньги мужской гарем легче купить, чем одного придурка охмурять!

– Я никого не охмуряю! – с новыми силами зарыдает Вероника, не обратив внимания на «придурка».

– Не ори, дети спят! – на весь дом рывкнет Ефимыч, и еще полчаса они будут выяснять, кому в первую очередь следует заткнуться.

В это время Тине, может быть, удастся проглотить ужин. А может, и нет, и, невзирая на голод, она кинется командовать парадом, отвесит подзатыльник сестрице, отправит спать мужа, нальет валерьянки матери, шуганет обратно в спальню детей, и все успокоится.

До утра.

Иногда получается избежать всего этого, если сразу из холла, сбросив в кучку шубу и сапоги, прошмыгнуть в ванную и отсидеться там, пока семейству не надоест скулить под дверью и выпрашивать «минуточку внимания».

Пожалуй, сегодня она завалится в ванну прямо в шубе. Чтобы уж наверняка!

Зачем только Ефимыч выдумал, что в этом году детям нужно идти в школу?! В августе им всего-навсего исполнится шесть, куда таким карапузам за парты! Она подозревала, что Ефимыч за их счет пытается реализовать свои амбиции, и после начальных классов будет самый шикарный лицей, а потом непременно МГУ, куда он сам так и не смог поступить. С деньгами матери и упорством отца Сашка с Ксюшкой эту мечту воплотят в жизнь.

Вот только разве они должны?

И школа эта опять же! Тина досадливо поморщилась, прикидывая, какими проблемами обернется сие мероприятие. Вряд ли на родительские собрания станет ходить муж или мама, они оба слишком рассеянны и прямодушны для этого. Значит, придется самой выкраивать время, уговаривать клиентов, менять планы и мчаться выяснять, что Сашка все уроки проспал, а Ксюша, наоборот, оживленно кидалась в соседа самодельными бомбочками из пластика.

Они были совсем не похожи друг на друга, ее дети. Хотя одинаково морщили курносые носы и хлопали белобрысыми ресницами.

Как их папочка.

Ефимыч гордился невероятно этим сходством и потому не замечал, насколько различны они характерами между собой, и уж тем более с родителями. А если бы заметил, наверное, озаботился бы не на шутку и взялся бы за их воспитание всерьез.

Он искренне считал детей своим продолжением, и только.

Тина была уверена, что они – отдельные, полноценные личности, и были такими всегда, с момента рождения, и не нужно лепить из них что-то по собственному образу и подобию. Когда она попыталась объяснить это мужу, он только захохотал недоверчиво, а потом призвал тещу посмеяться над такими глупостями. Вместе они решили, что Тина – никудышная мать, но отнеслись к этому даже с пониманием.

– У тебя просто другие задачи в жизни, – великодушно объявил Ефимыч, – сил на воспитание детей не остается, потому ты и придумала весь этот бред!

– Работаешь ты много, дочка, вот и не видишь, что деткам нужен присмотр! – проще сформулировала мама.

Да. Некогда было настаивать на своем и следить, чтобы у детей была свобода действий и выбора.

К тому же нашлась Галинвасильна, которой Тина полностью доверяла. Теперь вместо нее гувернантка с труднопроизносимым именем, зато с рекомендациями и двумя дипломами. Впрочем, насчет имени, может, и обойдется, и Сашка не будет реветь, когда в очередной раз у него не получится выговорить столько «р» сразу.

А может, и будет, а Ксюшка станет братца дразнить, и додразнится до настоящей потасовки. Посмотрим тогда, как справится профессиональная нянька. Хм, посмотрим... Ничего-то такого она не посмотрит и не увидит. Когда ей? Даже думает она о детях только в пробках, когда глаза устают от монитора, а мозги – от работы, и ехать решительно некуда: что впереди, что сзади, что по бокам – сплошные заторы.

Перманентное чувство вины возникло, как всегда, не вовремя. Когда ничем невозможно его заглушить: ни подарков закупить, ни сказку на ночь рассказать, ни пожать мягкие, толстые бочка, ни зачмокать курносые носы, пока их владельцы не начнут брыкаться и вопить: «Мама, ну хватит слюнявиться!»

Она пойдет с ними в лес, вот что. В эти же выходные! Наверное, в лесу сейчас хорошо, сугробы стоят выше колен, и тихо-тихо небо крошит снег на широкие ладони сосен.

Она наденет старую лыжную куртку и вязаную шапочку и сапоги без каблуков, нальет в термос чаю и прихватит плюшки, которые обязательно испечет накануне Галинвасильна... Нет, Агриппина Григорьевна. В общем-то, плюшки можно купить в любом супермаркете и разогреть в микроволновке. Раз уж Тина разучилась готовить, а мама и вовсе не умела никогда.

Значит, чай, плюшки и сапоги без каблуков. И два одинаково сопящих носа. И сосредоточенно нахмуренные белесые бровки, на которые напозаю «эти противные шапки. Мам, можно мы их снимем на фиг?» Две плюшевые каракатицы, неуклюже вползающие на горку. Одна после первой же неудачной попытки махнет варежкой и станет лепить снеговика. Вторая будет атаковать гору до сумерек, а потом велит отцу притащить из машины коврик для ног и плюхнет на него крохотной попойкой в толстенных шароварах, завопит на весь лес: «Ловите меня, ловите!» – и врежется в братца, мирно пристраивающего снеговика вместо носа стибренную из маминой сумочки помаду.

Ефимыч кинется их разнимать, но, конечно, ничего у него не выйдет, и они бросятся в разные стороны – только для того чтобы через минуту снова повалиться друг на дружку с дикими завываниями.

– Что ты смотришь?! – муж возмущенно ткнет Тину в бок. – Они же носы расквасят или, чего доброго, шубы сейчас порвут!

– Новые купим, – отмахнется она.

– Тебе лишь бы тратить, – проворчит он. Иногда Тина думала, что мужу не сорок три, а все шестьдесят.

Хотя, когда она все-таки добралась до дома и на пороге своих роскошных апартаментов увидела Ефимыча, мелькнула привычная, очень приятная мысль, что именно ей принадлежит этот мужчина. Солидный, несмотря на аристократическую худосочность. Интересный, невзирая на некоторое занудство. Родной.

– Где все? – спросила она шепотом у родного мужа.

– Дети передрались, устали и спят. Мама пьет чай, Вероника висит на телефоне. А ты как?

– Отлично, – с облегчением вздохнула она и скинула ему на руки шубу. – Пойду в ванную. Принеси мне чего-нибудь пожевать.

– Прямо туда? – уточнил Ефимыч неодобрительно.

– Именно! И Жарова захвати.

Легкое чтение вроде дамских романов или детективов расслабиться не помогало. А вот Гошу Жарова Тина читала с превеликим удовольствием. До классики, конечно, далеко, но среди современных авторов он был единственным, чьи фразы не вызывали рвотного рефлекса, и смысл был понятен, и герои, запакованные в увлекательные интриги, выглядели реальными, а их беды, радости, мысли – созвучны ее собственным. Так что каждую новую книжку Тина заказывала по Интернету, читала запоем в ванной и за утренним кофе, а потом не раз еще возвращалась к особенно понравившимся местам.

Хотя возвращаться – плохая примета...

Через полчаса, проглотив начало очередной жаровской повести, удачно избежав порции мыльных пузырей от мамы и плаксивого рассказа об очередном «зайчике», не пожелав-

шем жениться на Веронике, Тина проскользнула в спальню. Большая стрелка на часах медленно, но верно подкрадывалась к двенадцати.

Несколько мгновений Ефимыч разглядывал жену, которая, зевая, стаскивала халат, а потом погасил свет.

– Ты что? – вяло удивилась Тина, когда муж, вместо ритуального поцелуя на ночь, крепко припал ладонями к ее груди, а губами прихватил ухо.

– Ммм... Ты такая сладенькая, такая тепленькая... Я соскучился.

Она довольно заурчала, но все же слегка отодвинулась.

– Ефимыч, – почти жалобно простонала Тина, непрерывно зевая, – мне завтра вставать рано.

– Завтра суббота! – возмутился он, придвигаясь плотней и тяжело дыша. – Девочка моя, обними меня.

Она не могла. Даже мысль о том, чтобы совершить хоть какое-то телодвижение, повергала ее в ужас. Правда, совершив героическое усилие, Тина закинула руку мужу на грудь... Но это было последнее, что она сделала.

К тому времени, как Геннадий Ефимыч осознал бесплодность своих попыток, Тина уже крепко спала.

– Бедная моя, – пробормотал он.

ГЛАВА 2

Среди ночи раздался телефонный звонок. Жена что-то невнятно пробормотала во сне и засопела слаще. Вадим Алексеевич Старцев потер лысину, покачал из стороны в сторону мясистый подбородок, почесал нос, опомнился, наконец, и схватил трубку, едва не опрокинув столик.

– Милый, – прошелестело в ухо воркующе-нежно, – милый, я умираю без тебя...

– Ты что?! – лоб мгновенно покрылся испариной. – Ты что, с ума сошла?!

Вадим Алексеевич в ужасе покосился на вторую половину кровати.

Это кошмар. На старости лет вот так влюбиться – это кошмар! Все летит в тартарары: работа, семья, друзья, весь привычный мир, который он много лет строил, потя и падая от усталости.

Самое невероятное: он рад, что она позвонила. Он безумно рад. Только, пожалуй, все-таки следует соблюдать осторожность. Он быстро вышел из спальни и, прошмыгнув по холлу в гостиную, устроился за барной стойкой.

– Лапушка моя, – выдохнул обессиленно в трубку, – я же просил тебя не звонить мне домой, моя ты козочка!

– Я соскучилась. Очень-очень. Ты сегодня не приехал, а я не могу больше! Милый!

– Солнышко, ну у меня же работа!

– А завтра?

Он попытался сосредоточиться. Завтра. Что завтра?

– Завтра ведь суббота, – напомнил ему обиженный голос.

Точно, суббота. С утра пораньше встреча с рекламщиками, до которых снизошел его хозяин. Почему приспичило договариваться о концепции рекламной компании именно в субботу? Дней других мало?

Может, их того... продинамить? Мало, что ли, рекламных агентств в столице? Договориться самому с какими-нибудь не сильно требовательными, но гениальными парнями, и дело в шляпе.

– Милый?!

– Я думаю, котенок, думаю. Шеф узнает, будет тебе шляпа!

Конечно, на их заказ желающих полным-полно, и договор с этой «Промо-ленд» – кажется, так? – еще не подписан, но предварительные беседы проведены, план сотрудничества в общих чертах разработан, стороны пока взаимно удовлетворены, и ставить все под угрозу он не готов. В конце концов, не шестнадцатилетний пацан, потерпит. Сколько там эта встреча может длиться? Час? Пусть два.

Да, два часа, и он уходит. В конце концов, его слово решающее, они только исполнители, и вообще пятки ему целовать должны, что такое доверие оказано.

– К обеду точно освобожусь, – сказал он весело, – жди меня дома.

– Дверь будет открыта, – хихикнула она.

Он взмок уже с головы до пят. Рвануть бы сейчас. Прямо сию минуту сесть в машину, выжать сто восемьдесят и через полчаса оказаться рядом с юным, крепким, нежным, совершенным телом!

Увы и ах. Придется довольствоваться тем, что есть. То есть ничем. Демонстративно повернутой к нему спиной. Жена, кажется, догадывается о чем-то, вот и отворачивается. Нельзя, чтобы она узнала, никак нельзя. И существует только один способ убедить ее, что все в порядке. Представив, что этот способ нужно будет опробовать немедленно, он едва не задохнулся от тошноты.

Ласкать дряблые груди, когда на другом конце города его ждут наливные горячие яблочки?!

Сдавленно дышать, уткнувшись в морщинистую шею... Черт, черт, черт!..

Может, отложить на завтра, а? Сколько недель он вот так уже откладывает? Запаникует женушка чего доброго, консилиум созвет, решив, что потенцию нужно срочно восстанавливать научным путем.

Он, конечно, изменял ей и раньше. Всю жизнь изменял. Но вполне нормально сочетал это с супружескими обязанностями. А сейчас вот... противно!

Ему вдруг пришло в голову, что можно устроить себе небольшой праздник, он ведь заслужил, честное слово, заслужил. Семью на ноги поставил? Поставил. Дом – полная чаша? Полная. Почему бы не отдохнуть хоть пару дней? И, заметьте, не в кабаке погулять с девками, не в баньке погудеть, не в казино расслабиться, а тихонечко поблаженствовать в объятиях милой.

Все выходные. А? Можно?

Для жены сочинить срочную командировку. В Сибирь. Тамошний филиал еще и не отстроен до конца, телефонов не имеется, так что проверить наверняка она ничего не сможет. Секретарше, конечно, будет звонить. Куда без этого? Обе старые гримзы! Когда-то на ресепшене у него сидела сногшибательная красотка, и всяк входящий слюной захлебывался, и завидовали ему по-страшному. А потом красотку обнаружила законная супруга и закатила такой скандал, что легче было пообещать взять в секретарши убогую пенсионерку с костяной ногой, чем отстаивать прелестную нимфу.

Пенсионерка вскорости объявилась, жена ее сама отыскала среди многочисленной родни. Так что теперь он по всем статьям обложен – и дома, и на работе не продохнуть.

Зато у него есть его девочка, сладкая, молоденькая, жутко в него влюбленная. Ждет его. И он обязательно придет, и останется на все выходные, а там – гори все синим пламенем! Если жена пронюхает все-таки, сама не рада будет. В конце концов, это браки заключаются на небесах, а разводы – дело вполне земное.

ГЛАВА 3

Она не умела долго просыпаться, собираться со вкусом, потягиваясь и прислушиваясь к себе, чувствуя утро каждой прожилкой, любуясь, как откидывает вуаль седого февральского неба красotka-заря, чье дыхание сбивает с горизонта последние звезды.

Это долгое пробуждение, это томное возвращение к себе после сна – краткой версии смерти – привилегия натур романтических и тонких. Тина к тридцати двум годам знала определенно, что она – циничная стерва, которая выглядывает в окно только затем, чтобы убедиться, что синоптики не соврали и на улице по-прежнему зима, хотя вместо снега идет дождь, ветер порывистый, местами до... Словом, холодно, слякотно и противно. Хорошо, что у нее тепленькая шубка. А еще машина с хорошей печкой, удобными сиденьями и страховкой на все случаи жизни. Если и были у Тины какие-то утренние философские размышления, то они касались исключительно ее денег. Вернее, тех благ, которые они давали. И сборы на работу проходили под эти сладкие, жизнерадостные думы, и было время погладить себя по головке, и возгордиться, и всей душой, каждой клеточкой почувствовать свою силу.

Хозяйка жизни смотрела на нее из зеркала. Не барынька, которой все досталось с пеленок, которая могла позволить себе валяться в гамаке и обмахивать веером розовощекую, пухлую физиономию. Не слабая половина – приложение к богатому, знатному мужу – цепкими пальчиками обхватившая его член и кошелек.

Сама себя сотворившая королева.

Пусть за завтраком ничего кроме кофе она не успевает и строгий деловой костюм вовсе не похож на королевские одежды.

Тина бросила в зеркало последний, оценивающий взгляд, мурлыкнула от удовольствия и прошла на кухню. Конечно, давно пора завести домработницу, чтобы подавала ей к кофе хотя бы горячие бутерброды. Но об этом вспоминалось только по утрам, когда бутербродов не было. В остальное время суток их не было тоже, но за работой этот факт как-то даже оставался незамеченным.

В кухне было совсем темно. Тина щелкнула выключателем, и люстра над столом высветила чашки с блюдцами, вазочку с ее любимым соленым арахисом, салфетки, раскрытый «Путь домой» Жарова, металлический блеск барной стойки, на которой дружным строем замерла всевозможная техника. Одной рукой Тина прихватила орешки, другой включила кофеварку и, пока готовился кофе, пробежала глазами несколько строчек. «...Она не понимала, что значат его слова. Куда уж было понять, какой смысл таится во взгляде, в мимике, в движениях! Говорят, что мужчины и женщины – с разных планет, а ей показалось сейчас, что даже галактики ближе друг к другу, чем он и она. Наверное, стремиться изменить это – глупо. Только ей очень хотелось!..» Разве мужчины могут так думать?!

В глубине души Тина была уверена, что обожаемый ею Жаров – женщина. Слишком убедительно описывал он – она?! – женскую сущность.

Даже сейчас, счастливая в замужестве, Тина иногда бессмысленно задавалась вопросами о муже: «Что он этим хотел сказать?», «Почему он так смотрит?», «Зачем он делает так, а не иначе?» Прежде за этими вопросами стояла неуверенность в себе, ожидание подвоха, а сейчас – что?! Неужто женская зависимость от поведения мужчины неистребима? Но Тина знала про себя точно, что свободна. А господин Жаров заставлял задумываться, и она легко поддавалась на провокацию, находя в этом даже какую-то прелесть.

Глотнув кофе, она слегка отвела жалюзи и выглянула-таки в окно. Во дворе еще горели фонари, и было видно, что весна не торопится. Каждому – свое. Тине нужно спешить.

– Доброе утро, Тиночка, прекрасно выглядите! – бодро приветствовала ее консьержка, достаточно пожилая, чтобы скрыть зависть к богатым-жильцам, но еще не ввавшая в склероз, чтобы не узнавать их. – Хорошего вам дня.

Отличный у меня дом, подумала Тина. Даже консьержки здороваются на европейский манер, вежливы и вышколены. На лице приклеена улыбка, в руках вместо пошлого вязания – модный журнальчик.

Это все ерунда, конечно, мелочи. Но какие приятные! Некоторых, может быть, и раздражают подобострастные речи и грубая лесть, но Тине было плевать на подтекст.

Она улыбнулась консьержке, и это была первая фарисейская улыбка из сотни еще предстоящих за день.

– Спасибо. До вечера.

Спустившись в гараж, она достала сотовый и позвонила в офис. Там долго не брали трубку, Тина успела разозлиться, просмотреть документы, приготовленные для встречи, и решить, что надо сменить секретаршу.

Сколько их уже сменилось за четыре года? Никто не хочет работать, все мечтают о мягком креслице, онемевшем телефоне, пахитоске, чашечке кофе, легком флирте с корпоративным красавцем Виталиком и плотном конвертике в конце месяца. А заодно в начале и в середине.

– Рекламное агентство «Промо-ленд». Добрый день, – наконец, откликнулась секретарша, не подозревая еще о своей участи, и отчетливо зевнула в трубку.

– Скорее, спокойной ночи, – пробурчала начальница, – что за дела, почему я должна дозваниваться три часа?

– Тина, это вы? Здравствуйте! Извините! Я просто... эээ... отходила.

– А что, больше никого на рабочем месте нет? – ехидно осведомилась она, – или остальные считают недостойным оторвать задницу и подойти к телефону?

Грубилла она не нарочно, так уж получалось. Легче было сразу сорвать зло, тем более, если под рукой оказывались подчиненные, а не клиенты. Первое время, конечно, пугались, хватались за голову, предвидя сиюминутное увольнение, а потом ничего, привыкали. Скорая на расправу начальница быстро остывала, а в таком, остывшем состоянии была совершенно безобидна, даже мила – до следующего взрыва.

– Сегодня же суббота, – все же осмелилась напомнить она, когда на том конце провода слегка поутих начальственный гнев, – в конторе только я...

– Как? Как только ты? – Тина от возмущения даже вылезла из машины и принялась расхаживать по гаражу, – через час приедут из «Мая», я этого заказа полгода добивалась! Ты что, не сказала Петрушеву, что он мне нужен сегодня, а, дубина ты стоеросовая?

– Он оставил все бумаги, – быстро пролопотала Лена, – а сам уехал в Нижний на переговоры.

– В выходные? – не поверила Тина.

Леночка выразительно молчала. Мол, что знала, я уже сказала, а дальше вы сами разбирайтесь.

– Значит, так. Петрушева найди и свяжи со мной. Чай, кофе, все по высшему разряду чтобы к моему приезду было готово. Если не дай бог Вадим Алексеевич явится раньше...

– Это тот, что из «Мая»? – уточнила секретарша на всякий пожарный.

– Из апреля, блин! – рявкнула Тина. – Ты чай-то, смотри, не подсунь из их конкурирующей фирмы, никаких «Липтонов» и «Брукбондов». Поняла? Улыбайся во все тридцать два зуба и не забудь, что испытательный срок у тебя еще не кончился.

Осталось дать нагоняй Петрушеву. И хорошо бы еще успеть почитать, что он там в своих бумажках написал. Ведь предупредила же, что слоганы они должны представлять вместе! Да еще и POS – ее слабое место, рекламой в местах продаж занимается исключи-

тельно Петрушев. Она вообще этот чай в глаза не видела и уже сто раз успела забыть, что и как обсуждалось на переговорах. Одно ясно точно: им достался хороший клиент, и главное теперь – его не упустить.

За эти годы она приобрела если не бульдожьей хватку, то уж цепкость обезьяны и ослиное упорство точно.

Тина села за руль, повернула ключ в зажигании, но вместо привычного ласкового урчания крошки-«тойоты», услышала какие-то непотребные звуки, вроде отрывки.

– Это что еще такое? – Она брезгливо поморщилась и аккуратно повторила попытку.

Результат не изменился, мотор продолжал бессмысленно кряхтеть и перхатъ.

И что? Даже зло сорвать не на ком! А тратить время на разбирательства бесполезно. Она ничего не смыслила в машинах и даже не старалась это исправить, полагая, что водитель должен ездить, а чинить – механик.

Интересно, сколько будет ехать машина автосервиса? А еще – как долго будут устранять неполадки? Пожалуй, за это время Вадим Алексеевич успешно сойдет с ума от ее секретарши, и дело на том закончится.

Тина скрипнула зубами и снова достала мобильный. На полпути передумала, вышла из гаража. Такси тоже неизвестно сколько будет сюда добираться, легче частного поймать. Она сто лет не ездила с частниками. Ну, может, и не сто, а всего-навсего года четыре, с тех пор, как появилась «тойота».

Странно, но вокруг уже было утро – вполне жизнеспособное, уложенное внизу серыми кучками снега, а сверху придавленное угрюмым, но большим солнцем.

Она вышла из двора и огляделась в некоторой растерянности. Пешком Тина ходила дома, в офисе, по залам ресторанов и еще в фитнес-центре, куда удавалось вырваться не всегда. Сейчас предстояло пройти целый квартал до дороги, и это повергло ее в минутный ступор.

Заелась ты, матушка, сказала она себе.

А сугробы по колено помнишь? А тощие сапоги на картонной подошве? А курточку на рыбьем меху? Макароны на завтрак, обед и ужин. Драки с сестрой из-за колготок. Слюни в три ручья у витрины продмага. Очередь у окошка стеклотары, откуда выпихнули прямым в лужу. Постылый дом.

Потом стало наплевать. Только вот мама... У мамы больное сердце, ей нужны лекарства и витамины, ей нужен покой, но какой покой, если в доме нечего есть, и «девчонки ходят разутые-раздетые!», и собственное бессилье торчит в горле костью. Помнишь тот мамин взгляд, захлебнувшийся отчаянием? Помнишь пустой суп из щавеля? Помнишь, раздумывала, а не согласиться ли на предложение Таньки – сытой, модной и в золоте, – попробовать получить все и сразу и научиться есть с чужой ладони?

Не помню, не помню, не помню, заколотилось в голове заклиниванием. Не помню, а значит, ничего и не было.

Она поправила прическу и вдруг обнаружила, что лоб весь в испарине. Температура, что ли, поднимается? Но она никогда не болеет!

И никогда не вспоминает то, чего не было!

Внезапно раздался треск, и она не сразу поняла, что это трещит ее собственная шуба. Кто-то сильно дернул за сумку, переброшенную через плечо, и прихватил кусок меха.

– Эй! Ты что?! Да я... Караул! Помогите!

Одинокий силуэт вдалеке испуганно шархнул. Воришка ловко метнулся в сторону и, лавируя между сугробами, скрылся из виду.

Ничего себе! Двадцать первый век на дворе, а тут среди дня грабят мирных жителей. Королев, между прочим! То есть, королеву, единственную и неповторимую в своем роде.

Забывшись, она некоторое время поразмышляла о собственной уникальности. Это всегда помогало в трудные моменты овладеть ситуацией.

Может, ситуацией она сейчас и овладела, а вот ее сумочкой владеет кто-то другой.

Тина подумала, стоит ли вызывать милицию, но вспомнила, что мобильный вместе с кошельком теперь в чужих руках. Она не представляла, как жить без телефона. Разве кто-то живет без телефона? И это можно назвать жизнью?!

Мысленно всплескивая руками, Тина, однако, не прекращала движения и на автопилоте выбралась из дворов к проезжей части. Может быть, логичней было вернуться домой, взять денег и мужнин сотовый, но это почему-то не пришло ей в голову.

– На Малую Никитскую, и побыстрей, – услышал властное указание водитель, остановившись возле женщины в шикарной норковой шубке.

Быстро ехать получилось первые два квартала, потом движение поутихло, а на Садовом кольце и совсем встало.

– Суббота, – пояснил шофер с умеренной виноватостью, – дачники обалдели...

– Дачники! – Тина закатила глаза. – Они что, в феврале картошку сажают?

Мужчина поежился от негодования, прозвучавшего в голосе пассажирки, и счел нужным объяснить, что на даче кроме картошки можно еще дышать свежим воздухом, чего в первопрестольной осуществить никак нельзя.

– Да мне плевать, чем они там занимаются, на своих фазендах! – психанула Тина. – Давайте, сворачивайте на Красина, там можно дворами проехать.

– Не, не проедем.

– А я говорю, сворачивайте!

– Да без толку же!

Ну вот откуда берутся такие упрямые ослы?! Кто им только права выдает?!

Может, вышвырнуть его из машины, да и дело с концом? Иначе так и просидят до вечера.

– Дайте ваш сотовый! – велела Тина. – Мне срочно нужно позвонить! Давайте же, я заплачу!

Ее напор до такой степени смутил шофера, что он не сразу сообразил, о чем речь. С опаской косясь на пассажирку, переспросил недоверчиво:

– Сотовый? У вас что, своего телефона нет?

Тина подумала, что еще немного и она точно выкинет этого кретина на дорогу, не задумываясь уже о последствиях. Мало того, что он не умеет ездить и не знает города, так еще осмеливается задавать глупые вопросы.

– Да, пожалуйста, пожалуйста, – испуганно проговорил тот и быстро вынул телефон из кармана.

Тина несколько мгновений рассматривала трубку, на дисплее которой царил безжизненная серость.

– Это что?

Водитель посмотрел мельком и виновато пожал плечами.

– Наверное, батарейка села.

– Так зарядите! – выкрикнула Тина, едва не плача от ярости.

– Э... Так я зарядник дома оставил. Случайно.

Еще бы он это сделал нарочно!

– Остановите машину! – тихо, но твердо потребовала она.

В ответ донеслось многозначительное сопение.

Ах да, машина и так стоит. Как и десятки других вокруг.

Впечатляющее начало дня. И, хотя она не привыкла вести учет несчастий и проблем, сейчас невольно вспомнились и сломанная «тойота», и украденная сумочка, и долгожданная встреча, на которую вполне реально опоздать из-за всех этих нелепостей.

– Делайте же что-нибудь! – прошипела Тина.

Водитель молча пожал плечами.

Ну, конечно, что он может сделать?! Это только ее трудности, только ее. Она должна немедленно что-то предпринять. Найти таксофон, например, или добраться до офиса на метро – быстро и надежно.

Оба варианта предполагали хотя бы какое-то количество денег.

Значит, не годится. Надо сидеть и ждать, чему она так и не научилась. Видимо, жизнь подбросила ей этот денек как раз в качестве урока долготерпения.

Тина сложила руки на коленях и стала разглядывать маникюр. Это занятие отвлекло ее минуты на полторы. Потом она переключилась на обдумывание рекламного ролика для мебельного салона, и время побежало веселей. Мысленно добравшись до завершающего, ударного кадра, в коем старую кровать выбрасывают в окно, а с новой сдувают пылинки, Тина недовольно поморщилась и приказала себе не впадать в банальность. В поисках свежих идеи она огляделась и только тогда поняла, что машина уже движется.

Замечательно!

Через полчаса водитель притормозил у высокого здания за внушительной оградой и несколько мгновений удивленно хлопал глазами, пока пассажирка грациозно выбиралась из авто.

– А деньги? – наконец решился напомнить он.

– За такую поездку вы сами мне должны доплатить! – безапелляционно заявила Тина и в мгновение ока скрылась за воротами.

ГЛАВА 4

– Почему ты его не задержала, тютя?! У тебя голова-то на плечах есть, или как? Ты соображаешь что-нибудь? Он – клиент! Мы с него бабки имеем, разве не понятно? А нет бабок, нет зарплаты, будешь работать на добровольных началах, ясно?

Лена все плотней вжималась в кресло, мечтая слиться с кожаной обивкой в единое целое. Лишь бы не видеть бурого от гнева лица начальницы!

– Он что, не мог полчаса подождать, а? Я тебя спрашиваю! Ты для чего здесь посажена? Ты должна посетителей облизывать, облизывать, понимаешь? С головы до пят! А ты!

– Я облизывала! – пискнула Леночка. – Только вы не на полчаса опоздали, а на час и двадцать три минуты...

– Хоть на сутки! Начальство не опаздывает, начальство задерживается, уясни это раз и навсегда. Так, кофе мне быстро и подробный отчет, что сказал Вадим Алексеевич.

Лена с облегчением выскочила из кресла и убежала готовить кофе. К тому времени, когда она вернулась, Тина дышала уже спокойней и красные пятна ярости на ее щеках постепенно бледнели.

– Полгода сплошной нервотрепки с этим «Майским чаем», – бормотала она, – и что в итоге? Мы не можем начать работу, пока не подписан договор, а договор не подписан, потому что моя секретарша не смогла объяснить заказчику, что в городе Москве бывают пробки!

– Я же не знала, что вы в пробке, – осмелев, высказалась Лена, – я вам на сотовый звонила, а номер недоступен, я решила, что вы едете в метро и скоро будете...

– Я никогда не езжу в метро! – отрезала Тина. – Ладно, хватит об этом, рассказывай, что тут было. Он очень злился?

Леночка ответила, что наоборот, Вадим Алексеевич выглядел странно повеселевшим, когда стало ясно, что начальница опаздывает. То есть, задерживается, тут же поправились она, и Тина подумала великодушно, что девочка не совсем безнадежна.

– Значит, повеселел, говоришь? Тогда куем железо, пока горячо. Свяжись с его секретарем и выясни, какие у него планы на сегодня.

Если не дожать Вадима Алексеевича в ближайшее время, заказ может уплыть прямо из-под носа. А этого никак нельзя допустить.

Через минуту выяснилось, что дожимать некого. Секретарь директора по рекламе сообщила, что Вадим Алексеевич сегодня в двенадцать часов улетает в Новосибирск. Часы показывали, что до полудня осталось двадцать минут. Сотовый Вадима Алексеевича был заблокирован.

– Бред какой-то, – покачала головой Тина, – как он собирался успеть на самолет, если у нас переговоры? Или его срочно вызвали? Лена! – позвала она. – Ему звонил кто-нибудь, ты не в курсе?

– Сто пятьдесят раз звонили! Но, по-моему, это были личные звонки, он так в трубку сюсюкал, тошно слушать!

– Тошно ей, – проворчала Тина, влезая в шубу, – вызови-ка мне такси, чувствительная ты наша! И закажи билет до Новосибирска.

Леночка изумленно всплеснула руками.

– Тина, вы что, за ним в Сибирь полетите?

– Я теперь за ним хоть на край света, – мрачно пошутила та, – ты мне, главное, найди адрес их новосибирского филиала. И еще, дай свой мобильный, мой сегодня обрел нового владельца.

Секретарше оставалось только хлопать глазами от удивления.

Тина выпроводила ее и достала из сейфа пачку банкнот. Задача номер один состояла в том, чтобы куда-нибудь их сложить. В карман, что ли? Или в лифчик спрятать, как сто лет назад, когда она получила первую зарплату и страшно боялась, как бы ее не вытащили в метро.

Тогда она много чего боялась.

А сейчас ей некогда! Нет времени на страх, на воспоминания, даже на то, чтобы тщательно и вдумчиво осмыслить собственную затею с преследованием Вадима Алексеевича.

Она привыкла доверять интуиции и спонтанным решениям, а сомнения просто не принимала в расчет. Сейчас сомнений не было вовсе – только охотничий азарт и минутное смятение, когда Леночка произнесла «Новосибирск».

Город Энгс.

Просто город. Как миллионы других.

Она никогда не вспоминает то, чего не было.

И деньги в лифчик пихать не станет, вот еще! У нее есть замечательный кожаный портфельчик, как раз для таких внезапных путешествий.

– Лена, – уже на ходу выкрикнула Тина, – позвони ко мне домой, предупреди, что я улетаю на пару дней. – У двери она притормозила и добавила решительно: – Только не называй город. Скажи, что не знаешь точно.

– Хорошо, – медленно откликнулась секретарша, не уставая удивляться.

ГЛАВА 5

Жаль, она не захватила книжку, с Жаровым время пролетело бы быстрее. А так три часа полета показались вечностью...

Толмачево мало соответствовал высокому званию аэропорта сибирской столицы, но задумываться об этом было некогда. Тина быстро вышла из здания, храня на лице сосредоточенное выражение, которое мгновенно осыпалось, стоило взгляду ткнуться в горизонт.

Она забыла, и вправду забыла. Каким синим и щедрым бывает утреннее небо, забрасывая дороги пушистой белизной; какими бывают сугробы, настоящие сугробы, плотные и ослепительные; как бьет в спину, словно резкий окрик, морозный ветер.

Поеживаясь, она топталась на месте, растерянная и подавленная. Сибирская зима пробралась под шубу и крепкой, ледяной рукой встряхнула сердце, и оно натужно забилося, сотрясая тело и душу.

Глупости это, сказала она себе. Просто резкая смена климата, просто здешний холод не сравнишь с московским, слякотным февралем, а душа – душа ни при чем.

До города Тина взяла такси, не рискнув сесть в маршрутку-«газель», и, пока ехала, старалась не смотреть в окно. Паника становилась просто неприличной, чудовищной, и с каждой секундой она все отчетливей понимала, что переоценила свои силы, не смогла предусмотреть всего, не залатала брешь – одну, последнюю, едва заметную. Но внезапно ставшую важной. Будто непостижимым образом осталось приоткрытым маленькое оконце в чулане, и этого хватило, чтобы весь дом оказался под угрозой. Ее дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.